

— Наверное, я его туда кинул, — Чи Сяо поднял голову и посмотрел. — Вот почему я его не мог найти, оказывается, он здесь.

— Сам он туда не мог залететь, — с сожалением сказал Лу Кунь.

Чи Сяо серьёзно ответил:

— Кто сказал, что не мог?

Стоит сказать, что благодаря стиральной машине в углу комнаты вещи Чи Сяо, хоть и разбросаны, обычно были чистыми. Исключение составляла только его неубранная кровать.

— Ты можешь объяснить, почему у тебя под подушкой соска? — Лу Кунь поднял соску за кольцо и спросил.

— А, это, — Чи Сяо взглянул. — Она только выглядит как соска, на самом деле это свисток в форме соски. Если в него подуть, раздаётся плач ребёнка.

— И зачем это нужно? — спросил Лу Кунь.

— Когда соседи шумят, можно шуметь в ответ, а потом сослаться на то, что невозможно остановить плач ребёнка.

Лу Кунь кивнул:

— Полезная штука.

— На самом деле, не очень! — пожаловался Чи Сяо. — Соседи приходили спрашивать, почему плач ребёнка, хотя детей нет, и меня даже проверяли на предмет жестокого обращения и похищения детей!

Лу Кунь не сдержал смеха.

Однако в доме Чи Сяо было слишком много подобных странных вещей. Он потратил немало времени, чтобы собрать их в большой ящик, где оказались даже заспиртованный таракан в стеклянном шаре.

Лу Кунь, глядя на запечатанного в стекле таракана, почувствовал, что, вероятно, не понимает современных тенденций молодёжи.

— Зачем ты купил такую вещь? — спросил он.

— Чтобы показать пример другим, — сказал Чи Сяо, запихивая в ящик ещё больше вещей. — Я хотел таким образом напугать тараканов в доме, но, похоже, это не сработало.

— Вряд ли это могло сработать, — сдался Лу Кунь.

— На самом деле, есть причина, — сказал Чи Сяо. — Позже я понял, что проблема в виде таракана. Тот, которого я купил, был привезён из города G, и он не понимал местных тараканов.

Лу Кунь поддержал:

— Очень жаль.

— Да, — грустно вздохнул Чи Сяо.

Его большой 28-дюймовый чемодан был забит до отказа разной одеждой и обувью, и, чтобы закрыть его, пришлось на него сесть.

— Пока так, — сказал Лу Кунь, глядя на заметно опустевшую комнату. — Через пару дней я найду уборщицу, чтобы привести всё в порядок, и тогда можно будет сдать квартиру.

— Да, и тогда не придётся платить 4 500 юаней в месяц за аренду, — Чи Сяо лёг на кровать и вдруг спросил:

— А сколько я буду получать?

Лу Кунь намеренно поддразнил его:

— 4 500.

— Что?!

В итоге им пришлось везти кучу хлама Чи Сяо обратно в клуб.

— Некоторые вещи можно было бы выбросить, — Лу Кунь стоял у багажника, глядя на большой камень, который Чи Сяо вытащил из машины, и чувствовал головную боль.

Чи Сяо, с трудом положив камень в машину, вытер пот со лба:

— Этот нельзя выбрасывать, я его привёз из дома.

— Зачем ты привёз из дома камень?

— Раньше он был в комплекте с бочкой, — объяснил Чи Сяо.

— Для засолки овощей? — Лу Кунь почувствовал, что случайно нашёл правду.

Чи Сяо без стеснения похвалил:

— Да, босс, ты гений!

Лу Кунь: «...»

— Ты сам солишь овощи? — с сомнением спросил Лу Кунь, только что увидев, что кухня Чи Сяо покрыта пылью, и понял, что он там никогда не готовил.

Чи Сяо покачал головой:

— Нет, и бочка уже разбилась.

— Тогда зачем ты привёз бочку для засолки?

— Чтобы есть, — просто сказал Чи Сяо. — Просто я уже всё съел.

Лу Кунь не понимал, как его интеллект внезапно отключился, вероятно, под влиянием Чи Сяо. Хотя со стороны Чи Сяо казался просто человеком с плохим чувством направления, а не глупцом.

— Ты любишь солёные овощи? — спросил он.

Чи Сяо вздохнул:

— Не особо, просто каждый раз, когда я их ем, я вспоминаю бабушку. Эту бочку она дала мне, когда я уезжал, я съел немного, а остальное захватили тараканы.

Оказалось, это было напоминание о бабушке. Лу Кунь невольно погладил его по голове и утешил:

— Прими мои соболезнования.

— Соболезнования? — Чи Сяо испугался. — Зачем соболезнования?

— А? — Лу Кунь тоже растерялся. — Ты же сказал, что бочку тебе дала бабушка, когда она уходила.

— Да, когда я уезжал, она настояла, чтобы я взял её, это было так раздражающе, — пожаловался Чи Сяо.

Лу Кунь, который только что нежно гладил мальчика по голове, утешая его, теперь шлёпнул его:

— Бабушка так тебя любила, а ты жалуешься!

Чи Сяо прикрыл голову и возразил:

— Сразу видно, что тебя никогда не любила бабушка, которая солит овощи! Из-за этой бочки мне пришлось ехать в город S на автобусе, и это было так неудобно.

— Это всё же знак любви бабушки, — с лёгким сожалением сказал Лу Кунь и спросил, не болит ли у него голова.

Чи Сяо сердито ответил:

— Теперь я стал идиотом.

— Ничего, минус на минус даёт плюс, — сказал Лу Кунь.

Чи Сяо скривился:

— Почему я уже автоматически считаюсь идиотом?

Лу Кунь улыбнулся и просто велел ему поторопиться, так как время уже поджимало.

Действительно, время уже поджимало, хотя они выехали всего в час дня. Неловкость и скука растянули дорогу, но разговоры о горячих новостях сократили её, словно линейное время было сжато, и вот уже наступили сумерки.

Вещи Чи Сяо были разбросаны повсюду. Кроме большого чемодана, остальное уместилось в несколько сумок, которые лежали на заднем сиденье, поэтому на обратном пути он сел на переднее сиденье.

Программа «Старшая сестра Чжисинь заставляет тебя расстаться» уже закончилась, и Чи Сяо,

чувствуя скуку, подключил свой телефон к автомобильной аудиосистеме и включил свои мрачные песни.

Как рой пчёл, шумовая стена, намеренные искажения, басовые синтезаторы, отбивающие ритм, и вялый голос певца, который едва слышен за громкими инструментами. Чи Сяо радостно показал Лу Куню свой телефон, рассказывая, как эта группа на одном концерте сломала пять динамиков.

Лу Кунь мельком взглянул:

— Неплохо.

— Не просто неплохо, это великолепно! — с восторгом воскликнул Чи Сяо.

Он откинулся на сиденье, продолжая листать что-то на телефоне и хихикая. Лу Кунь взглянул на него, затем снова сосредоточился на дороге.

Они всё ещё были в пути, когда стемнело. Солнце, скрытое дождливыми тучами днём, словно рассердилось и рано ушло, оставив ночь. Неоновые огни на обочине и приборная панель в машине светились одинаковым светом, а в темноте салона белый экран телефона освещал лицо Чи Сяо, подчёркивая его черты.

Лу Кунь убавил звук и спросил:

— Говорят, утром ты провёл бой с Ичжэ. Как ощущения?

— Нормально, он проиграл, — легкомысленно ответил Чи Сяо, продолжая стучать пальцами по экрану.

Он, вероятно, печатал, и, как типичный молодой человек, его телефон был постоянно в беззвучном режиме. Теперь, когда в салоне стало тихо, звук его пальцев, ударяющих по экрану, стал отчётливым.

Через некоторое время Лу Кунь снова спросил:

— Как продвигается тренировка направления?

— Так себе, — ответил Чи Сяо.

— «Так себе» — значит, никакого прогресса?

— Примерно так, — сказал Чи Сяо.

Диалог как будто поменялся местами, и теперь Чи Сяо стал тем, кто отмахивался, а Лу Кунь, раздражённый, выхватил у него телефон и бросил на переднюю панель. Чи Сяо хотел рассердиться, но, увидев холодное выражение лица Лу Куня, понял, в чём дело. Он смягчился:

— Это же тренировка, за одно утро прогресса не будет.

— Если ты будешь всё время ходить за Ичжэ, за год ничего не изменится, — сказал Лу Кунь.

Чи Сяо понял, что Чжоу Ичжэ рассказал Лу Куню об их тренировках. Он, конечно, был недоволен Чжоу Ичжэ, считая, что тот слишком много болтает, но на словах оправдывался:

— Постепенно, просто ищу ощущения. Потом я же и сам действовал.

— Да, и прыгнул с крыши, — с сарказмом сказал Лу Кунь, и Чи Сяо почувствовал себя униженным.

Лу Кунь продолжил:

— Ты не замечал, что твоё чувство направления ужасно слабое?

<http://bllate.org/book/16184/1451812>